

Вэнь Цзюэ в объятиях Цзян Чуана так растрясло, что мысли его смешались, и лишь когда тот устроил его в седле перед собой, к нему вернулись силы говорить.

— Почему так внезапно? Куда мы?

Цзян Чуан не ответил прямо. Сидя позади него и крепко прижимая его к себе, он прошептал на ухо Вэнь Цзюэ:

— Чжияюй, держись за поводья или за мои руки, мы отправляемся!

Вэнь Цзюэ послушно схватился за них. В следующий же миг Цзян Чуан взмахнул поводьями и громко крикнул:

— Но-о!

Конь тронулся с места шагом, перешел на рысь, а вскоре и вовсе помчался во весь опор.

Вэнь Цзюэ никогда прежде не ездил верхом — в его положении никто и не позволил бы ему сесть на коня. Он впервые сидел в седле, покачиваясь в такт движениям коня. Из-за слепоты ощущение невесомости казалось особенно сильным, будто его вот-вот выбросит на землю.

Он неосознанно крепче сжал предплечье Цзян Чуана. Почувствовав его страх, генерал освободил одну руку, обнял супруга за талию и мягко успокоил:

— Не бойся, я с тобой.

Вдвоем на одном коне они пронеслись по улицам столицы и устремились прямо в загородные предместья. Холодный ветер хлестал Вэнь Цзюэ по лицу, но он постепенно привык к движению и, напротив, приподнял голову, подставляясь стремительным порывам.

В потоке воздуха смешивались ароматы мясных лепёшек со свиным фаршем из уличных лавок, рисового вина, бумаги и чернил из книжных рядов и свежего масла от торговца, наперебой расхваливавшего свой товар... У самых городских ворот к ним примешался запах вспаханной крестьянами земли...

Все эти запахи будто подарили Вэнь Цзюэ второе зрение: он словно наяву «увидел» повседневную жизнь простых столичных жителей и сам стал её частью. Люди трудятся от рассвета до заката, находя в этом простое счастье... Мысли его постепенно прояснились, унося прочь недавнюю жалость к себе.

Цзян Чуан мчал его на коне сквозь шумные улицы, окуная в суету мирской жизни, а затем уносил навстречу свободе диких полей.

Дорогой Цзян Чуан молчал. Лишь изредка он опускал взгляд, всматриваясь в лицо своего спутника. Заметив, что Вэнь Цзюэ расслабился, широко открыл невидящие глаза и слегка приподнял уголки губ, генерал понял, что тот искренне рад.

На душе у Цзян Чуана тоже потеплело. Радость и умиротворение Вэнь Цзюэ в этот миг были неподдельными — он наконец-то оставался самим собой, без притворства и масок.

Счастье Чжияюя делало счастливым и самого Цзян Чуана. Его Чжияюй за свою жизнь натерпелся столько горестей, что теперь не смел надеяться даже на крупицу сладости.

Цзян Чуану всегда хотелось увезти его прочь из императорского города, подальше от

бесконечных интриг. Ему хотелось вместе странствовать по красивейшим уголкам Поднебесной и отыскать искусных лекарей, способных исцелить его глаза.

Но всё это оставалось лишь мечтами: мало того что Вэнь Цзюэ не мог уехать, так и сам Цзян Чуан был связан по рукам и ногам.

И всё же ненадолго «сбежать» из этой клетки им никто помешать не мог!

Лишь когда до ушей Вэнь Цзюэ донесся плеск воды, конь пошел медленнее, переходя на неторопливый шаг.

Вэнь Цзюэ глубоко вдохнул. Тонкий, едва уловимый аромат полевых трав наполнил легкие. Он со слабой улыбкой произнес:

— Кажется, я чую запах свободы.

— Мы у озера Сянху, в одной ли от городских стен, — Цзян Чуан оглядел расстилавшуюся перед ними синеву воды и неба. С гор бежал небольшой водопад, а вдали над домами струился сизый дымок от очагов. — Чжуй, ты когда-нибудь бывал здесь?

День выдался на редкость ясным, и пейзаж поражал своей красотой, но, увы, созерцать его мог лишь один из них...

Вэнь Цзюэ пробормотал:

— Так вот оно какое, озеро Сянху... Я здесь впервые. Красиво?

Цзян Чуан кивнул:

— Очень красиво. Мы стоим у самой кромки воды. Озеро у берега такое чистое, что видно дно, а дальше вода становится густо-яшмовой. Озеро огибает подножия гор и уходит куда-то вдаль, конца ему не видно. С кручи струится небольшой водопад, вода стекает спокойно, не спеша. В расщелинах скал, у самого русла, выросло множество цветов — в основном белых да желтых, только я не знаю, как они называются...

Он старался подбирать слова как можно точнее, чтобы Вэнь Цзюэ тоже смог «увидеть» эту картину.

Вэнь Цзюэ действительно рисовал в воображении этот пейзаж, следуя за его голосом. Вот только он не признался Цзян Чуану в том, что ослеп слишком рано и на самом деле не помнил, как выглядит озерная гладь. В его представлении это было просто огромное скопище воды.

Да и горы он знал лишь по декоративным горкам в императорском саду — настоящие, должно быть, были куда величественнее.

А какой он, этот дым из печных труб, поднимающийся сквозь лёгкую дымку? Похож ли на сизые облака от новогодних хлопушек?

Но даже так, Вэнь Цзюэ невольно вздохнул:

— Должно быть, это и впрямь чудесно!

Цзян Чуан помог ему спешиться:

— Давай немного пройдемся. Кругом мягкая трава, так что иди смело, не споткнешься и в лужу не наступишь.

Стоило Вэнь Цзюэ сжать его ладонь, как тревога улетучилась. Он знал: пока Цзян Чуан рядом, ему ничто не грозит.

Рука об руку они подошли к воде. Цзян Чуан помог ему присесть и опустить руку в озеро. Ледяная вода мгновенно поднялась до запястья. Вэнь Цзюэ вздрогнул и отдернул пальцы, но тут же из любопытства опустил их снова.

— Ну как тебе вода? — спросил Цзян Чуан.

Вэнь Цзюэ ответил:

— Холодная. Куда холоднее, чем я думал.

Цзян Чуан усмехнулся:

— Вода здесь чистая, не чета городской, потому я и позволил тебе прикоснуться к ней. Примерно через четыре часа наступит вечер. Солнце покатится за горы, и по воде протянется багряный закатный след. Если раздобыть лодочку и поплавать, откроется совсем иной вид.

Вэнь Цзюэ изо всех сил пытался представить себе эту картину, но после недолгих раздумий с грустью проговорил:

— Красиво? Я не могу этого вообразить. Жаль, что не сумею разделить с тобой твой восторг.

Цзян Чуан взял его мокрую руку, заботливо вытер краем рукава и сжал в ладонях, согревая теплом рук:

— Очень красиво, но никакая красота не сравнится с твоей. Не можешь вообразить — и не нужно. Когда твои глаза поправятся, мы приедем сюда снова, и ты увидишь всё сам!

— Поправятся? — Вэнь Цзюэ высвободил ладонь. — С самого детства дворцовые лекари в один голос твердили, что мои глаза неизлечимы. До конца дней мне суждено оставаться во тьме...

Но Цзян Чуан заговорил с такой непоколебимой уверенностью, будто знал наверняка:

— Раз я сказал, что поправятся, значит, так и будет! Не беспокойся, я уже тайно разослал людей искать искусных целителей по всей стране. Не верю я, что этот недуг нельзя побороть!

— ...В крайнем случае я подам в отставку и увезу тебя из императорского города. За годы службы я скопил немало — нам с лихвой хватит на то, чтобы до конца жизни безбедно путешествовать. Будем странствовать и искать врачей.

Вэнь Цзюэ нахмурился:

— Нельзя. Я... не могу покинуть императорский город.

Он так отчаянно противился даже простому упоминанию об отъезде. Цзян Чуан мысленно вздохнул, но быстро приободрился: через пять лет, когда пыль уляжется, Вэнь Цзюэ сможет без страха уехать с ним.

Он принялся ласково уговаривать его:

— Ну хорошо, не будем об этом. Давай представим, что сегодня мы сбежали из императорского города. Я больше не генерал, ты не принц. Мы просто простые люди, обычные любящие супруги. Забудем обо всем и повеселимся от души, ладно?

— Обычные... любящие супруги... — повторил Вэнь Цзюэ, и ему действительно показалось, будто они — простая семейная пара.

Закончив дневные хлопоты в лавке и наевшись досыта, они рука об руку пришли за город, чтобы развеяться. Болтают о пустяках, шепчут нежные слова, а когда чувства захлестнут — предаются ласкам.

Эта картина была столь прекрасной, что Вэнь Цзюэ невольно улыбнулся. Он приподнялся на цыпочки и коснулся губами подбородка Цзян Чуана:

— Хорошо, супруг мой, води меня.

<http://bllate.org/book/20326/2029330>